

ВРЕМЯ В СОЧИНЕНИЯХ САЛЛЮСТИЯ

Саллюстий – один из самых загадочных римских писателей. Сохранилось от его сочинений немногим более ста страниц, а споры вокруг его творчества всё не утихают, чему способствует и глубина его мысли, и склонность к недомолвкам, поскольку недосказанное каждый волен трактовать по-своему. Но таково состояние дел лишь в тех случаях, когда писатель хоть как-то высказывался по тому или иному поводу. Что же касается времени, то о нём Саллюстий прямо говорил не так уж много, и о том, какие представления он связывает с этим понятием, нам остаётся судить лишь по косвенным признакам. Тема эта интересна тем более, что писатель жил на сломе эпох, когда время Республики уходило, а время Империи ещё не настало.

Время и развитие. В литературе уже давно стала общим местом идея о том, что «нравы предков» были для римлян наставлением, идеалом и нормой, а движение времени вперёд – соответственно нарушением идеала и нормы и, следовательно, утратой, разложением и порчей». Но в то же время, как замечает Г.С. Кнабе, у римских авторов, и у Саллюстия в том числе, наряду с идеализацией прошлого мы найдём «насмешки над привязанностью к грубой старине и апологию деятельности и развития»¹. Вглядимся в текст его сочинений под этим углом зрения.

Не приходится спорить с тем, что о прошлом Саллюстий вспоминает очень тепло. Вот что он пишет в «Заговоре Катилины»: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу в лагерях, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пиршествам. Поэтому для таких мужей не существовало ни непривычного труда, ни недоступной и непроходимой местности, ни внушающего страх вооружённого врага; их доблесть (*virtus*) превосходила всё. Но между собой они усердно соперничали из-за славы (*gloriae maximum certamen inter ipsos erat*); каждый спешил поразить врага, взойти на городскую стену, совершить такой подвиг на глазах у других; это считали они богатством, добрым именем и великой знатностью (*eas divitias, eam bonam famam magnamque nobilitatem putabant*). До похвал они были жадны, деньги давали щедро, славы желали великой, богатств – честных» (7.4–7)². «И во времена мира, и во времена войны добрые нравы (*boni mores*) почитались, согласие было величайшим (*concordia maxima*), алчность – наименьшей (*minima avaritia*). Право и справедливость (*ius bonumque*) зиждились на велении природы в такой же мере, в какой и на законах. Ссоры, раздоры, неприязнь (*iurgia*,

¹ Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 143, 141.

² Здесь и далее – перевод В.О. Горенштейна, в некоторых случаях с изменениями.

discordias, simultates) – это было у врагов³; граждане соперничали между собой в доблести (*de virtute certabant*). [...] Управляя государством, они проявляли храбрость (*audacia*) на войне и справедливость (*aequitas*) после заключения мира» и т.д. (гл. 9). Во введении к «Югуртинской войне» Саллюстий также пишет о благородном стремлении предков к славе (4.5–6). «До разрушения Карфагена римский народ и сенат делили между собой государственные дела мирно, проявляя сдержанность, и граждане не оспаривали друг у друга ни славы, ни господства (*neque gloriae neque dominationis certamen inter civis erat*)⁴: страх перед врагами заставлял государство быть верным своим добрым правилам (*bonis artibus*). Но когда люди избавились от этого страха, разумеется, появилось то, чему благоприятствуют счастливые обстоятельства, – распушенность и надменность (*lascivia atque superbia*)» (Iug. 41.2–3). В речи Цезаря отмечается, что предки (*maiores*) не совершали нечестивых поступков (*nefaria facinora*) даже тогда, когда их позволяли себе вероломные карфагеняне, не говоря уже о родосцах (Cat. 51.5–6). Впоследствии же, после падения Карфагена, когда римлянам стало некого бояться, нравы их начали портиться: «Алчность (*avaritia*) уничтожила верность слову (*fides*), порядочность (*probitas*) и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всём и пренебрегать богами. Честолюбие (*ambitio*) побудило многих быть лживыми, держать одно затаённым в сердце, другое – на языке готовым к услугам, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть порядочными (*bonum habere*) не столько в мыслях, сколько притворно» (10.3–5).

И ещё два довольно необычных упоминания о добродетельных предках, коих недостойны их потомки: «Предки ваши (*maiores vestri*), – обращается плебейский трибун Меммий к народу, – радиобретения прав и утверждения своего величия путём сессии с оружием в руках дважды занимали Авентин. А вы? Неужели вы, чтобы защитить полученную от них свободу, не приложите всех усилий – и тем решительнее, что утратить достигнутое – позор больший, чем вообще

---

³ Это не мешает Саллюстию в других сочинениях вспомнить о борьбе патрициев и плебеев (Iug. 31.6 и 17; Hist. I. 11; III.48.15).

⁴ Казалось бы, этот пассаж прямо противоречит словам об «усердном состязании из-за славы» (*gloriae maximum certamen*) в Cat. 7.6 (В. Шур, цитируя рядом оба этих фрагмента, не обращает внимания на противоречие: *Schur W. Sallust als Historiker*. Stuttgart, 1934. S. 85–86). Очевидно, имеется в виду борьба за славу из чисто эгоистических соображений в ходе внутриполитических распрей (Koestermann E. Kommentar // Sallustius Crispus. *Bellum Iugurthinum*. Heidelberg, 1971. S. 168, который даёт в качестве сравнения *tanta cupido gloriae incesserat* из Cat. 7.3). Её примером у Саллюстия может быть рискованный поход Мария на Капсу лишь из желания затмить успех Метелла, овладевшего неприступной Талой (Iug. 89.6; см. об этом эпизоде ниже). На внутриполитический контекст указывает и упоминание борьбы за *dominatio*, которое могло означать и *regnum*, и *tyrannis*, и власть какой-либо *factio* (см.: Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. P., 1963. P. 562–563 – в т.ч. со ссылкой на Sall. Iug. 41.2).

ничего не достигнуть?» (Iug. 31.17). «Предки ваши, – вторит Меммию другой трибун, Макр, – добыли для вас плебейский трибунал, а недавно и патрицианскую магистратуру... Вся сила в вас, квириды... Но вас охватило какое-то оцепенение (*torpedo*), вывести из которого вас не может ни слава, ни позор, и вы отдали всё за свою нынешнюю праздность (*ignavia*)» (Hist. III.48.15 и 26). Если выше шла речь о доблести *maiores* в битвах с врагами, то здесь вспоминается их твёрдость в защите своих прав. Но ход мысли тот же – потомки недостойны своих пращуров.

Перед нами, казалось бы, стандартное описание движения времени как регресса. Но налицо и высказывания иного рода. Вот что Саллюстий пишет о предках римлян – спутниках Энея и примкнувших к ним аборигенов: «Дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые (*genus hominum agreste, sine legibus, sine imperio, liberum atque solutum*)». Но «в короткое время разнородная и притом бродячая толпа благодаря согласию стала государством (*civitas*)» (Cat. 6.1–2), т.е. гражданской общиной, полисом, который представлял в глазах греков и римлян наилучший вид общественного устройства, тогда как в начале властью обладали лишь цари, *reges* (2.1) – слово, крайне неприятное для слуха образцового римлянина. Наконец, улучшились нравы (6.3: *res eorum... moribus... aucta*). Однако это взгляд на общественное развитие. А вот как видит Саллюстий положение дел, так сказать, с интеллектуальной точки зрения: в незапамятные времена люди ещё не знали, что важнее на войне, телесная мощь (*vis corporis*) или сила духа (*virtus animi*) (1.5). И лишь позднее, когда совершили великие завоевания Кир, афиняне и лакедемоняне, стало ясно, что не физические, а умственные и душевные качества (*ingenium*) важнее (2.2). Правда, в мирное время властители утрачивали прежнюю доблесть духа, что вело к тяжёлым последствиям для их власти (2.3); но здесь важно отметить, что само по себе развитие не выглядит для Саллюстия чем-то обязательно ведущим к порче.

Таким образом, если положение в важнейших сферах человеческого бытия улучшилось, то имелось ли у Саллюстия представление о «золотом веке», царившем в далёком прошлом и не нуждавшемся в прогрессе? Таковое у него усматривают, причём исследователи его творчества находят у писателя даже не один, а два «золотых века». О первом мы читаем в начале второй главы «Заговора Катилины»: «Тогда люди ещё жили, не зная честолюбия, каждый был доволен тем, что имел (*etiam tum vita hominum sine cupiditate agitabatur; sua cuique satis placebant*)» (2.1). Г. Дрекслер подчёркивает, что жизнь, лишённая чрезмерных желаний, *vita sine cupiditate* – признак *aurea aetas* – «золотого века»⁵. Г.С. Кнабе указывает, что Саллюстий, подобно Ювеналу (XIII.57–58), но в отличие от Сенеки (Epist. 90.3), признаёт наличие собственности уже в ту пору – для римских писателей, по его мнению, вопрос о собственности не имеет принципиального значения, когда

---

⁵ Drexler H. Sallustiana // SO. 1970. Vol. 45. S. 54.

речь идёт о «золотом веке», важнее, что в это время не было связанных с нею вражды и насилия⁶. Однако К. Хельдман вносит серьёзное уточнение: обычно «райское» состояние человечества относят к мифическим временам, тогда как Саллюстий имеет в виду явно времена исторические, коль скоро речь идёт о царях. Кроме того, «мотив *sine cupiditate* выполняет у него совершенно иную функцию, чем в мифе. Там это объясняет феномен “вечного” мира между людьми, здесь вычленяет эпоху, когда *res militaris* хотя и было уже известно, его сущности ещё не понимали, поскольку пока не велись завоевательные войны и не был получен вытекавший из них опыт». Впоследствии то же самое напишет Помпей Трог, который укажет, что вначале власть над племенами и народами находилась в руках царей, но при этом царяла умеренность (*moderatio*), не было нужды в законах (*Iust. I.1.1*). «Очевидно, что здесь также речь не о мифической “золотой” древности (*Vorzeit*), а об идеализированных, но уже раннеисторических временах»⁷.

Но у Саллюстия помимо *aurea aetas* человечества, по мнению некоторых учёных, есть ещё и «золотой век» Рима, о котором уже говорилось⁸. Такой подход вызвал возражения Ю.Г. Чернышова: «Выражение “золотой век” ни разу не встречалось ни у Саллюстия, ни у Цицерона: в это время, как можно предполагать, его даже не существовало. Однако главное возражение вызывает не употребление термина, а само безоговорочное отождествление совершенно разных явлений – общественно-политической теории и мифологических преданий. В Риме, как уже отмечалось выше, существовало два разных варианта идеализации прошлого, различавшихся не только по форме, но и по содержанию: если древний миф о “Сатурновом царстве” идеализировал доисторическое первобытное состояние, то возникающая гораздо позднее теория “упадка нравов” делала образцом оставшуюся в недалеком прошлом гармонию полисных отношений. “Сатурново царство” и “идеальный Рим” в то время ассоциировались в сознании римлян с разными общественными состояниями и потому никогда прямо не отождествлялись»⁹. Спорить с этим не приходится, но для нас важно сейчас другое: расцвет Римской республики наступил не сразу, это уже *второй* этап в её истории, которому предшествовали слияние спутников Энея с несколькими местными племенами и жизнь под властью царей¹⁰, а стало быть, налицо признание Саллюстием позитивных возможностей развития. То же подтверждает и пассаж из речи Цезаря, где говорится о предках современных ему римлян: «Гор-

⁶ Кнабе Г.С. Указ. соч. С. 136 и прим. 20.

⁷ Heldmann K. Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmo-
dell in *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stutt-
gart, 1993. S. 30–32.

⁸ См., напр.: Утченко С.А. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до
н.э.). М., 1977. С. 170, 172.

⁹ Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в
Древнем Риме. Новосибирск, 1994. Ч. I. С. 108.

¹⁰ Утченко С.А. Указ. соч. С. 170.

дось не мешала им перенимать чужие установления (*aliena instituta*), если они были полезны (*proba*). [...] Что им казалось подходящим (*idoneum*), они усерднейшим образом применяли у себя; хорошему они предпочитали подражать, а не завидовать (*imitari quam invidere bonis malebant*)» (Cat. 51.37–38). Для сравнения вспомним сентенцию юриста Гая Кассия Лонгина, которую передаёт Тацит: «Меры, принимавшиеся в старину в любой области, были лучше и мудрее, а те, что впоследствии менялись, менялись к худшему» (Ann. XIV.43.1. Пер. Г.С. Кнабе). Правда, в первом случае речь идёт о заимствовании, а в другом об изменении того, что уже есть, однако вряд ли нужно доказывать, что заимствование того, чем предки не пользовались, само по себе уже изменение. Но вернёмся к тексту Саллюстия и обратим внимание на дальнейшие слова Цезаря: «И в то же самое время, подражая греческому обычаю, [предки наши] подвергали граждан порке, а к осуждённым применяли высшую кару» (Cat. 51.39). Греки тут, разумеется, ни при чём¹¹, но важно то, что при всех своих выдающихся качествах и *maiores*, по мнению Саллюстия, поступали не всегда правильно.

Заслуживает внимание одно место в «Югуртинской войне» (95.3), где говорится о том, что о фамилии, к которой принадлежал Сулла, почти забыли из-за бездеятельности его предков (*prope iam extincta maiorum ignavia*). Сам же он весьма активен, обладает незаурядными способностями и становится главным героем заключительной части сочинения, где проявляет себя с положительной стороны. Казалось бы, перед нами ещё один пример того, что развитие не обязательно означает регресс. Но так лишь кажется, ибо впоследствии Сулла использует свои способности во зло государству, и писателю стыдно и тягостно говорить о его последующих деяниях (95.4: *postea quae fecerit, incertum habeo pudeat an pigeat magis disserere*).

Как видим, мнение о двойственности взглядов Саллюстия на развитие налицо, хотя «насмешек над привязанностью к грубой старине», о которой говорит Г.С. Кнабе (см. выше), всё же нет. Однако речь шла об обществе, каковы же представления писателя о развитии личности? «Единственная эволюция, которую он допускает, – деградация прежде добродетельных людей по причине их честолюбия и алчности», – считает Ш. Шмаль¹². Д.С. Ливин выстраивает применительно к «Югуртинской войне» такую схему: каждый из четырёх главных героев её (Югурта, Метелл, Марий, Сулла) хуже предыдущего, и с каждым из них в разной степени происходят перемены к худшему – правда, с Суллой уже за рамками произведения¹³. Это отличает Саллюстия от других римских историков. Вспомним Тацита, который при всём сво-

---

¹¹ Причиной этого заблуждения послужило, видимо, то, что законы XII таблиц, согласно римской традиции, принимались по образцу греческих (см.: McGushin P.C. Sallustius Crispus, Bellum Catilinae. A Commentary. Leiden, 1977. P. 254–255 с указанием литературы).

¹² Schmal S. Sallust. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2001. S. 73.

¹³ Levene D.S. Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment' // JRS. 1992. Vol. 82. P. 59–65.

ём скептическом отношении к человеческой природе признаёт: «Из всех римских государей [Веспасиан] был единственным, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему» (Hist. 1.50.4. Пер. Г.С. Кнабе под ред. М.Е. Грабарь-Пассек). Светоний пишет о Тите: незадолго до прихода к власти «все видели в нём второго Нерона и говорили об этом во всеуслышанье. Однако такая слава послужила ему только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, после того как он стал императором, и ни единого порока в нём не нашлось» (Tit. 7.1. Пер. М.Л. Гаспарова). Но и у Саллюстия не всё так однозначно, как может показаться. Марий, поначалу сугубо положительный герой, поддаётся соблазну, когда оракул обещает милость Фортуны, и втягивается в доходящую до склоки борьбу с Метеллом, полагаясь на везение, едва не терпит неудачу под Мулукой, однако затем, отказавшись от надежд на судьбу, становится образцовым полководцем и доводит войну с Югуртой до конца, а впереди не только великая победа над германцами, но и кровавая междоусобица и расправа над согражданами. Как видим, путь Мария извилист, и падение сменяется новым подъёмом¹⁴. Впрочем, в конце его всё равно ждёт моральная деградация. Однако есть один особый персонаж у Саллюстия, который выбирает правильный путь и отказывается от дурных увлечений молодости – это он сам. «Меня самого, подобно многим, ещё совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. Хотя в душе я и презирал всё это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием (*ambitione corrupta*), была им не чужда». Но вот, пишет Саллюстий, «мой дух успокоился (*requievit*) после многих несчастий и испытаний, и я решил прожить остаток жизни вдали от государственных дел», предаваясь историописанию¹⁵, особенно полезному для республики в нынешних условиях (Cat. 3–4; см. также: Jug. 4.3–8). Однако это не служит писателю поводом для хвастовства – напротив, он оправдывается не то пред читателем, не то перед самим собой за такой выбор¹⁶, ибо для истинного римлянина политическая активность – норма. И то, что отказ от являвшегося прежде нормой стал

---

¹⁴ Короленков А.В. Образ Мария у Саллюстия // ВДИ. 2008. № 4. С. 107.

¹⁵ При этом Саллюстий заявляет что не хочет проводить свой «добрый досуг» (*bonum otium*), «занимаясь земледелием и охотой – обязанностями рабов (*servilibus officiis*)» (Cat. 4.1), в чём усматривают ядовитый намёк на Катона Старшего. Скорее, однако, он критикует не его, а некоторых своих современников, слишком любивших ссылаться на Марка Порция, и оценка земледелия и охоты, видимо, относится к эпохе самого Саллюстия, когда обстоятельства радикально изменились по сравнению с днями Катона (см.: Короленков А.В. Заметки об экономическом факторе в сочинениях Саллюстия // АМА. 2010. Вып. 14. С. 155–156).

¹⁶ Короленков А.В. Саллюстий: от политики к истории // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 6. С. 246.

единственным выходом, символизировало глубину кризиса, поразившего римское общество.

Историческая память. Для чего существует человек? В чём смысл его жизни? С ответа на этот вопрос Саллюстий, в сущности, и начинает «Заговор Катилины»: поскольку жизнь «коротка, нам нужно оставлять по себе как можно более долгую память (*memoriam nostri quam maxime longam efficere*)» (1.3). «По-настоящему живущим и наслаждающимся жизнью я считаю только того, кто, ревностно отдаваясь какому-либо делу, ищет доброй молвы о своих достославных деяниях или прекрасных качествах (*praeclari facinoris aut artis bonae famam quaerit*)» (2.9). Однако память о деяниях человека зависит от того, насколько хорошо о ней рассказали даровитые писатели (8.4). Конечно, неодинаковая слава (*gloria*) достаётся тому, кто описывает деяния (*scriptor*), и тому, кто их совершает (*actor*) (3.2), но последнее означает заниматься политикой, которая перестала быть честной, и потому остаётся удовольствием лаврами писателя, тем более что в условиях крушения традиционных добродетелей это может принести пользу даже бо́льшую, чем политическая деятельность (Iug. 4.3–8).

Любопытно, что сначала Саллюстий пишет о памяти, которую оставляет после себя человек (*memoria*), о его репутации (*fama*) и лишь потом – о славе (*gloria*). Причём в первых двух случаях речь идёт о людях вообще и лишь в третьем происходит конкретизация – *scriptor et actor*, описывающий деяния и их совершающий. Понятно, что под первым он подразумевает себя, а стало быть, *gloria*, пусть и не такую большую, как у государственного мужа, он «примеривает» на себя. Слава оказывается целью его жизни¹⁷ – идея не новая в молодой римской литературе, об этом писали уже Плавт и Катон, Энний говорил о ней как о награде за великие деяния¹⁸, но Саллюстий не просто вознамерился добиваться её литературными трудами, но и объявить их государственным делом – подобно тому, как Цицерон поставил оратора рядом с полководцем: «Прекрасно достойно служить государству делом, не менее важно служить ему словом (*pulchrum est bene facere rei publicae, etiam bene dicere haut absurdum est*)» (Cat. 3.1)¹⁹.

В чём же, по мнению Саллюстия, столь значительная польза историописания, что её можно сопоставлять с политической деятельностью? Во введении к «Югуртинской войне» он пишет: «Я не раз слышал, что Квинт Максим, Публий Сципион и другие прославленные мужи нашего государства говаривали, как они, глядя на изображения своих предков (*maiorum imagines*), загораются сильнейшим стремлением к доблести (*ad virtutem adcendi*). Разумеется, не этот воск и не этот облик оказывает на них столь большое воздействие; нет, от вос-

---

¹⁷ По мнению К. Вретска, речь о идёт о славе как признании со стороны государства (Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 12). См., однако: Sall. Cat. 7.6.

¹⁸ См.: McGushin P. Op. cit. P. 33.

¹⁹ Ср. с пассажем Цицерона в § 30 речи «За Мурену» (Vretska K. Op. cit. S. 12–13).

поминаний о подвигах (*memoria rerum gestarum*) усиливается это пламя в груди выдающихся мужей и успокаивается не ранее, чем их доблесть сравнивается с добрым именем и славой их предков (*neque prius..., quam virtus eorum famam atque gloriam adaequaverit*)» (4.5–6). Итак, «отношения между историей и памятью диалектичны: тот способ, с помощью которого моделируется историческая память на основе истории, сам выступает в качестве исторической памяти»²⁰. У Саллюстия такого термина, конечно, нет, он употребляет расплывчатое выражение *memoria rerum gestarum*, которое может означать и историографию, и память о деяниях прошлого вообще. Её сохранению служат не только изображения предков (см. Pol. VI.64.2), но и эпитафии (*tituli*), надгробные речи (*laudatio*). Однако со временем состязание в доблести сменяется «состязанием» в богатстве и расточительности, в том числе и среди *homines novi*, прежде превосходивших знать доблестью (Iug. 4.7). Прежние средства сохранения *memoria rerum gestarum* больше не «работают», и забота о пользе истории, *commodum historiae*, ложится теперь на историографию. Правда, пренебрежение памятью о деяниях предков, явленными ими примерами (*exempla*) сказывается на отношении и к ней – повествование о прошлом могут счесть «плодом праздности (*nomen inertiae*)» (4.3). Обвинение особенно серьёзное, если учесть, что сам автор уже весьма нелестно отозвался о предающихся праздности²¹, но это Саллюстия не пугает, ибо он берётся за важное для общества дело.

«Слом прежнего механизма памяти предопределяет содержание историографии: её особая задача состоит в том, чтобы показать, как пренебрежение старыми *exempla* ведёт к кризису в истории. Историческое повествование о кризисе Республики представляет собой анализ её отношения к прошлому», – пишет Й. Гретлайн²². Это хорошо видно на примере Югурты и Мария. Первый, чья характеристика в Iug. 6.1 «целиком положительна»²³, соответствует ей до тех пор, пока берёт за образец Сципиона Эмилиана, следующего примеру предков и уже являющегося одним из *exempla*. Это становится ещё более наглядным, когда Сципион советует нумидийцу продолжать следовать его правилам (*permanere vellet in suis artibus*) и напрямую предостерегает от порочных поступков, от попыток добиться своего в Риме подкупом (8.2). Однако Югурта прислушивается к советам тех римлян, которые ставили богатство выше блага и чести (8.1: *divitiae bono honestoque potiores erant*), т.е. не следовали заветам *maiores*. Эти советы людей, пренебрегших *exempla* предков, приводят царя к гибели²⁴.

²⁰ Grethlein J. Nam quid ea memoriam: the Dialectical Relation of res gestae and memoria rerum gestarum in Sallust's Bellum Jugurthinum // CQ. 2006. Vol. 56.1. P. 136.

²¹ Iug. 1.4 (*inertia*), 2.4 (*ignavia*) (Koestermann E. Op. cit. S. 37).

²² Grethlein J. Op. cit. P. 136–140.

²³ Levene D.S. Op. cit. P. 59.

²⁴ У Й. Гретлайна, которому я в целом здесь следую, налицо некоторое преувеличение: по его словам, неспособность Югурты держаться примера Сципиона приводит к нарушению баланса *memoria* и истории, воплощая собой

Пример Мария, который в своей знаменитой речи пародирует элогии нобилей²⁵ и обличает последних, как и сам Саллюстий во введении к «Югуртинской войне», за отказ от морального наследия предков и провозглашает себя истинным преемником *maiores* (85. 14–17; 36–38), подтверждает тезис автора о том, что и «новые люди» позднее перестают идти по пути *virtus* (4.7) – ведь впоследствии, в конце жизни, Мария губит непомерное честолюбие (63.6: *postea ambitione praecipuus datus est*)²⁶. Любопытно, что от собственного имени Саллюстий нигде не говорит о *virtus* Мария²⁷.

Пренебрежение примером *maiores* можно усмотреть и в том, что даже положительные герои Саллюстия не руководствуются в своих поступках стремлением сравняться доблестью с предками²⁸; упоминается лишь один *exemplum*, да и тот связан не с римлянами, а с их будущими врагами, карфагенянами, когда братья Филены ценой собственной жизни расширили границы отечества (Iug. 79). В то же время сказать, что римляне у Саллюстия вообще не руководствуются примером чьих-то деяний, было бы тоже неверно, однако соответствующие случаи имеют мало общего с подражанием доблестным предкам и скорее являются пародией на него. Речь идёт, прежде всего, конечно, о Катилине и его сообщниках. «После единовластия (*dominatio*) Луция Суллы его охватило неистовое желание захватить власть в государстве (*lubido maxuma... rei publicae capiundae*)» (Cat. 5.6). «Многие вспоминали победу Суллы (*memores Sullanae victoriae*), видя, как одни рядовые солдаты стали сенаторами, другие – столь богатыми, что вели царский образ жизни; каждый надеялся, что он, взявшись за оружие, извлечёт из победы такую же выгоду (*ex victoria talia sperabat*)» (37.6). Иными словами, за образец берут не добродетельного предка, а человека, ставшего тираном своего отечества, и это также свидетельствует о том, что прежняя система воспитания граждан на примерах *maiores* превратилась в свою противоположность²⁹.

(*embodies*) упадок римской политики из-за пренебрежения *exempla* прошлого (Grethlein J. Op. cit. P. 144–145). Думается, важнее отказ от следования примеру *maiores* самих римлян, без чего перемена в поведении нумидийца не имела бы таких последствий, да и вообще могла бы не произойти. Т.е. важнее не столько сама эта перемена, сколько успех Югурты, пусть и временный. Но и он оказывается не столько воплощением, сколько свидетельством упадка римской политики.

²⁵ Carney T.F. Once again Marius' Speech after Election in 108 B.C. // SO. 1959. Vol. 35. P. 65–67.

²⁶ Grethlein J. Op. cit. P. 140–142.

²⁷ Vretska K. Op. cit. S. 104; Syme R. Sallust. Berkeley, Los Angeles., 1964. P. 163.

²⁸ Как, например, у Аммиана Марцелина: XVI.12.41; XXIV.2.16; 4.27; 6.7 (Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков политической мысли. Воронеж, 1986. С. 269).

²⁹ В этом контексте весьма остроумно звучит замечание Г. Перля, что заговор Катилины стал *exemplum* для последующего развития Рима, ибо то, чего неудачно добивался Катилина, сделали Цезарь и Октавиан (Perl G. Sallust und die Krise der römischen Republik // Philologus. 1969. Bd. 113. S. 202).

Интересную в данном контексте ремарку мы находим в «Югуртинской войне» (89.6), где Марий совершает поход на находящуюся далеко в пустыне неприступную Капсу не только из военных соображений, но и из страстного желания (*maxima cupido*) затмить успех Метелла, овладевшего в аналогичных условиях Талой и снискавшего этим великую славу (*magna gloria ceperat*)³⁰. Конечно, Метелл вполне может служить примером для подражания, и действия Мария казалось бы, пример *certamen gloriae* прежних времён, но в том-то и дело, что поступок последнего, по мысли Саллюстия, порождён не столько благородными помыслами в духе *maiores*, сколько недобрым соперничеством с Метеллом.

Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство. Говоря о том, как важно служить государству словом, о том, что слава выдающихся людей зависит от того, как её воспели писатели (Cat. 8.4), сам Саллюстий ничего подобного делать не намерен – заговор Катилины интересует его по причине опасности и беспримерности преступления (4.4: *sceleris atque periculi novitate*), а Югуртинская война – в силу своей длительности, трудности, переменного характера (*quia magnum et atrox variaque victoria fuit*), а также того, что впервые был дан отпор надменности знати (*primum superbiae nobilitatis obviam itum est*) (Iug. 5.1). О Сулле Саллюстий собирается написать подробнее потому, что Сизенна был недостаточно беспристрастен в своём труде по отношению к диктатору (95.2: *parum mihi libero ore locutus videtur*) – вероятнее всего, в положительную сторону³¹, т.е. сам Саллюстий собирается «сыграть на понижение» (см. 95.4)³². О *virtus* Суллы он не пишет ни от своего, ни от чужого имени³³. С другой стороны, он намерен высказаться в защиту Сертория (Hist. I.88), которому другие писатели не воздали должного из-за его незнатности (*per ignobilitatem*), а также из-за неприязни к нему этих самых писателей (*per invidiam scriptorum*). Оправдывая расправу Мария со сдавшимися ему жителями Капсы, Саллюстий явно ведёт полемику с авторами антимиарианской направленности (Iug. 91.7)³⁴. Но это исключения, подтверждающие правило: ведь чрезмерная неприязнь многих писателей к Марию и Серторию

---

³⁰ Т. Моммзен, упустив из виду указание Саллюстия на военные соображения наряду с желанием Мария затмить славу Метелла, называет поход на Капсу «бесцельным риском» (Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 114), что, конечно, несправедливо (Koestermann E. Op. cit. S. 322), учитывая серьёзные последствия падения города (см. Sall. Iug. 97.1).

³¹ Syne R. Op. cit. P. 177; Koestermann E. Op. cit. S. 340.

³² Правда, *virtutes* Суллы как будто бы вытесняют у Саллюстия его пороки (Koestermann E. Op. cit. S. 340), однако это обманчивое впечатление – у него отсутствует собственно *virtus*, к тому же он притворщик, хитрец, плохой семьянин, а о последующей его деятельности, пишет Саллюстий, ему и говорить стыдно (Iug. 95.3) – характеристика весьма нелестная (см. Короленков А.В. Образ Мария у Саллюстия... С. 106–107).

³³ Короленков А.В. Образ Суллы в сочинениях Саллюстия // ВДИ. 2004. № 3. С. 184–185.

³⁴ Schur W. Op. cit. S. 135; Vretska K. Op. cit. S. 123; Koestermann E. Op. cit. S. 327.

тоже результат «партийного» подхода, о котором не было и речи в старые добрые времена. Требуется оговорки и одна из причин выбора в качестве темы труда Югуртинской войны – ведь данный нобилитету отпор и проявившаяся в нём воля к отвоеванию свободы, как предполагает Э. Тиффу, в глазах Саллюстия связаны с возрождением *virtus*³⁵. Однако такая трактовка небесспорна, ибо для Саллюстия главная ценность – согласие в обществе (Iug. 41.2), а борьба народа за свои права обернулась не вполне объективным следствием по делу обвинённых в получении взяток от Югурты (40.5), склокой, в которую вылилась борьба Мария за консулат, и несправедливым отстранением Метелла от командования.

Хронологические рамки повествования. Как известно, Саллюстий отошёл от анналистического метода подачи материала, предпочтя излагать историю римского народа «по частям» (Cat. 4.2: *carptim*). Кажется бы, всё достаточно просто: в «Заговоре Катилины», если не считать исторического экскурса в начале сочинения, события охватывают 65–62 гг. (здесь и далее – до н.э.), от первого заговора до битвы при Пистории и гибели Катилины, в «Югуртинской войне» – от смерти Миципсы до пленения Югурты и триумфа Мария (118?–104 гг.), опять-таки не считая предыстории, где говорится об участии Югурты в Нумантинской войне. В «Истории» рассказывается о том, что происходило в 78–67 гг. с предварительным обзором событий 80-х годов.

В действительности же всё обстоит несколько сложнее. Д.С. Ливин предложил взгляд на «Югуртинскую войну» не как на законченное произведение, а как на своего рода «исторический фрагмент», не имеющий чётких хронологических рамок. В ней содержатся отсылки ко времени Гракхов (16.2; 31.7–8, 12; 42.1–4), говорится о важности падения Карфагена для начала смуты в Риме (41.2–3); хронология событий, предшествовавших Югуртинской войне, размыта; присутствуют прозрачные намёки на события гражданской войны 80-х годов I в. до н.э. (63.6; 95.4). Сочинение заканчивается как бы на полуслове, не столько пленением Югурты, сколько анонсированием будущих событий – побед над германцами, которых все ждали от Мария (114.4)³⁶.

Таким образом, в «Югуртинской войне» как бы несколько точек отсчёта – падение Карфагена, гракханская смута, молодость Югурты и, наконец, смерть Миципсы, после которой события по видимости развиваются стремительно (см. ниже). Однако наибольшее значение, по-видимому, имеет именно выступление Гракхов и расправа с ними. Тонкость предмета состоит в том, что важнее не прямое упоминание об этих событиях, а косвенное, ибо именно тогда и постулируется их важность для темы сочинения. Как уже говорилось, война с Югуртой интересна для Саллюстия среди прочего и потому, что впервые (*primum*) был дан отпор высокомерию знати (5.1). Было бы очень странно, если бы речь шла о всей римской истории, ибо в таком слу-

---

³⁵ Tiffou E. Essai sur la pensée morale de Salluste à lumière de ses prologues. Montreal; P., 1973. P. 480.

³⁶ См.: Levene D.S. Op. cit. P. 53–70.

чае игнорируется борьба патрициев с плебеями, успехи народа в которой он признавал сам (31.17; Hist. I.11; III.48.15 и 26). Учитывая «реваншистский» характер его речи, Меммий, призывая отдать под суд зарвавшихся нобилей, не случайно упоминает среди прочих их грехов убийство Гракхов (Iug. 31.7–8). Далее утверждается, что до сих пор знать, позволявшая «новым людям» занимать различные магистратуры, к консулату всё же их не подпускала, словно передавая его из рук в руки (63.6: *inter se per manus tradebat*). Опять-таки странно было бы думать, будто речь идёт обо всей римской истории: в прошлом не раз «новые люди добивались консулата, достаточно вспомнить Варрона, Лелия, Катона – в 73.7 делается прозрачный намёк: это произошло много лет спустя (*post multas tempestates*)³⁷. А ведь борьба Мария за консулат – один из поворотных пунктов произведения.

Если же говорить об окончании «Югуртинской войны», то здесь хронологических отсылок тоже несколько – и пленение Югурты, и триумф Мария (это, кстати, события разных лет – см. ниже), а если смотреть дальше – гражданская война 80-х годов и диктатура Суллы. И сама «Югуртинская война» в таком случае оказывается не более чем предысторией куда более важных событий³⁸.

Обратимся теперь к «Заговору Катилины», воспользовавшись подходом Д.С. Ливина. Здесь тоже несколько начал – деятельность Катилины до заговора, первый заговор и, наконец, второй, приведший к небольшой гражданской войне. Но есть и ещё как минимум два. Первое – упоминание о разрушении Карфагена, положившем начало падению нравов в силу отсутствия страха перед внешним врагом (10.1). Второе же в контексте темы сочинения оказывается куда важнее. Уже упоминалось о том, что пример Суллы подталкивал Катилину и его сообщников к захвату власти. Но о Сулле говорится в «Заговоре Катилины» гораздо чаще, причём если одни вспоминают его времена с ностальгией и/или просто видят в них пример для «подражания» (5.6; 21.4; 37.6), то другие желают вернуть утраченное из-за произвола диктатора и его людей (28.4; 37.9). Однако такое число упоминаний об этих временах и их роль в мотивации поведения стольких людей позволяет видеть в нём своего рода точку отсчёта в повествовании.

А что же с окончанием? Казалось бы, сражение при Пистории завершает рассказ безо всяких намёков на дальнейшее. Однако уже сама эта битва – напоминание о гражданской войне, в том числе и грядущей, особенно если учесть роль в ней Петрея – активного участника смуты 49–45 гг.³⁹ Можно вернуться и немного назад. Знамени-

---

³⁷ Саллюстий, по-видимому, намеренно неточен: в 132 г. консулом стал *homo novus* Публий Рупилий, в 130 – Марк Перперна, а всего за девять лет до Мария, в 116 г. – Лициний Гета (см.: *Vretska K. Op. cit. S. 109*).

³⁸ Ещё одним намёком на события будущего является, видимо, передача командования от Метелла Марию, заставляющая вспомнить замену Лукулла Помпеем (*Syme R. Op. cit. P. 151*).

³⁹ Что, впрочем, не мешает Саллюстию изобразить Петрея как 'literally a figure out of time' (*Feldherr A. The Translation of Catiline // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxf., 2007. Vol. I. P. 389*).

тое сопоставление Цезаря и Катона в гл. 53–54 напоминает об их будущем противостоянии, которое в 63 г. только начиналось, а также представляет собой явный выпад против куда менее добродетельных триумвиров⁴⁰. В речи Цезаря говорится, что казнь катилинариев без соблюдения должной процедуры может стать дурным прецедентом, который приведёт к ещё большему произволу (51.36) – намёк на изгнание Цицерона⁴¹, оформленное также не без юридических накладок (по крайней мере, так можно было полагать), а главное – на проскрипции второго триумvirата, свидетелем которых стал сам Саллюстий⁴². Ирония истории в том, что зальют Рим кровью наследники того самого Цезаря, который за 20 лет до того призывал не казнить сограждан в нарушение закона. А жертвой их падёт Цицерон, во имя блага отечества пренебрегший «формальностями» – по выражению Г. Перля, оратор, «ответственный за убийство катилинариев, станет первой жертвой победивших последователей Катилины»⁴³.

И наконец, «История». Она начинается с событий 78 г. (I.1) и остаётся, по-видимому, незаконченной, дойдя до событий 67 г. По мнению одних учёных, Саллюстий хотел довести повествование до гибели Митридата, других – до заговора Катилины, однако равным образом возможна и более поздняя дата⁴⁴, всё зависело от продолжительности жизни автора⁴⁵. Тем не менее, сомнительно, что писатель намеревался довести изложение до своего времени – максимум до 51 г., о котором он пишет в I.11. Между тем намёки на будущее в тексте имеются.

Во введении к «Истории» мы встречаем обычное для Саллюстия упоминание о разрушении Карфагена как начале упадка нравов (I.11–12). В I.17 вновь читаем об убийстве одного из Гракхов⁴⁶, которое стало началом смуты. В I.19–53 освещены события предшествовавших 50 лет, в особенности гражданской войны 80-х годов, а также первого этапа восстания Сертория. Это вполне сравнимо с предысторией событий в «Заговоре Катилины» (гл. 5–16) и «Югуртинской войне» (гл. 5–11). Начало носит, как видим, тоже достаточно «многоступенчатый» характер. Но по ходу изложения есть и отсылки к будущему. Наиболее яркий пример – речь Марция Филиппа с призывом дать отпор Марку Лепиду, напоминающая о речах Цицерона против Антония в 43 г. («филиппика» – совпадение почти мистическое), причём делаются намёки не только на Антония, но и на Октавиана⁴⁷. Есть в «Истории»

---

⁴⁰ *Syme R.* Op. cit. P. 123.

⁴¹ *Schmal S.* Op. cit. S. 40. См. также: *Cat.* 46.2.

⁴² *Syme R.* Op. cit. P. 122; *Perl G.* Op. cit. S. 203–206.

⁴³ *Perl G.* Op. cit. S. 204.

⁴⁴ См.: *Syme R.* Op. cit. P. 190–191 (с указанием литературы).

⁴⁵ *Schmal S.* Op. cit. S. 79.

⁴⁶ Очевидно, Тиберия (*McGushin P.* *Sallust: The Histories.* Oxf., 1992. Vol. I. P. 84).

⁴⁷ См.: *Syme R.* Op. cit. P. 220–222; *Perl G.* Op. cit. P. 212–215; *Tiffou E.* Op. cit. P. 542; *Немировский А.И.* Указ. соч. С. 205.

и ещё один персонаж, имеющий «двойника» в 40–30-х годах – Серторий, который во многом напоминает Секста Помпея и Цезаря⁴⁸.

Так что, как видим, сочинения Саллюстия не имеют жёстких временных рамок, но как бы разомкнуты в отношении и прошлого, и будущего. Первое необходимо для лучшего понимания описываемых событий, а второе обусловлено сугубой актуальностью творчества автора, описывавшего прошлое не из антикварного интереса, а из стремления найти в нём корни настоящего.

Хронология событий и «плотность» времени. Учёные давно обратили внимание на многочисленные нестыковки в хронологии у Саллюстия. Вот некоторые из них. Сообщается, например, об убийстве Пизона (Cat. 19.3), а в 21.3 Катилина рассчитывает на его помощь, причём какое-либо объяснение такого противоречия (самое простое – неосведомлённость заговорщиков о происшедшем) отсутствует. В 24.2 он отправляет деньги в Фезулы Манлию, который покидает Рим лишь в 27.1. На деле 21 октября был принят *senatus consultum ultimum* против Манлия, 7 ноября имела место попытка покушения на Цицерона, затем состоялось собрание в доме Порция Леки, 8-го числа Цицерон произнёс первую «катилинарию». У Саллюстия же сначала происходит собрание у Леки и неудачный визит убийц к Цицерону, меж тем Манлий возмущает народ в Этрурии, Марк Туллий реагирует на это инициированием чрезвычайного решения сената. Всадники угрожают Цезарю мечами ещё до заседания сената, на котором обсуждалась судьба катилинариев, но он тем не менее выступает против казни заговорщиков, тогда как в действительности второе предшествовало первому⁴⁹.

Конечно, в каких-то случаях речь может идти о недосмотре (как при упоминании об отсылке денег ещё не уехавшему из Рима Манлию). Однако в большинстве случаев события подчинены литературным задачам. В последовательности событий проявляется своя логика: сначала совещание заговорщиков; потом первый серьёзный шаг – попытка убить консула; наконец, разжигание гражданской войны путём подстрекательства жителей Этрурии. Цезарь, выступая против казни катилинариев после, а не до угроз ему со стороны всадников, проявляет тем самым твёрдость и мужество.

Однако если о заговоре Катилины рассказывают многие источники, что позволяет выявить немало хронологических неточностей в изложении Саллюстия, то ситуация с Югуртинской войной гораздо сложнее, ибо число параллельных источников по ней невелико и не все они дают что-то для выяснения хронологии⁵⁰.

Столь многочисленных неувязок, как в «Заговоре Катилины», во втором сочинении писателя нет, но иногда они всё же встречаются.

---

⁴⁸ Katz B.R. Sertorius, Caesar, and Sallust // ААН. 1981. Т. 29. Р. 301–310.

⁴⁹ Schmal S. Op. cit. S. 45–46 (с указанием литературы).

⁵⁰ Canter H.V. The Chronology of Sallust's Jugurtha // CJ. 1911. Vol. 6. P. 290. Претензии к хронологии Саллюстия в «Югуртинской войне» возникали уже у Моммзена (Указ. соч. С. 110. Т. 2. Прим. 1).

Так, в 37.3 говорится о январе 109 г., а в 43.1 Метелл и его коллега, консулы 109 г., всё ещё числятся десигнатами, т.е. избранными, но не вступившими в должность⁵¹.

По словам Саллюстия, Миципса усыновляет Югурту якобы сразу (*statimque*) после возвращения того с Нумантинской войны (9.3), тогда как ниже сообщает, что усыновление произошло лишь за три года до смерти Миципсы (11.6) в 118 г.⁵², которая случилась ни много ни мало как через 15 лет после падения Нуманции, т.е. за словом «сразу» скрывается отрезок в 12 лет⁵³! (В то же время несправедлив упрёк в адрес Саллюстия в том, что у него говорится, будто Миципса умер через несколько лет после Нумантинской войны (*Iug. 9.4: post paucos annos*)⁵⁴, тогда как речь идёт о 15 годах⁵⁵: ведь Миципса умирает через несколько лет не после войны в Испании, а после усыновления Югурты, а это всего три года.)

Давно уже обращено внимание на то, что после довольно насыщенной кампании 107 г., завершившейся взятием Капсы, Марий вдруг оказывается в 800 милях от неё, у р. Мулукки, переместившись с юго-востока Нумидии на её крайний северо-запад (92.3–5), а затем даёт ещё две битвы Бокху и Югурте и разбивает их, причём ни о каких зимних квартирах не сообщается. Это породило различные версии, однако, вероятнее всего, Саллюстий «слил» две кампании в одну⁵⁶, чтобы добиться большего динамизма изложения⁵⁷ – ведь и под Капсой, и при Мулукке Марий самонадеянно испытывает судьбу, как ему советовал оракул в Утике (63.1), а потому неуместно разрывать столь важную для характеристики героя цепь событий совершенно не нужным для сюжета упоминанием о перерыве боевых действий на зиму. Другое довольно странное место – заключительная, 114-я глава «Югуртинской войны». В 113-й главе рассказывалось о пленении Югурты, а в 114-й без какого-либо перехода сообщается о разгроме римлян при Араузионе, очередном избрании Мария консулом и его триумфе, причём точно известно, что первое и третье события имели место 6 октября 105 и 1 января 104 г., тогда как пленение Югурты произошло никак не позднее первых месяцев 105 г., поскольку переговоры по этому вопросу начались во время пребывания Мария на зимних квартирах⁵⁸. Таким образом, между событиями 113-й и 114-й глав прошло не менее полугода, тогда как в других случаях Саллюстий скрупулёзно отмечает: послы отбыли из Рима на третий день (25.5); восстание в Ваге вспыхивает на третий день после размеще-

---

⁵¹ *Syme R. Op. cit. P. 142.*

⁵² *Schur W. Micipsa // RE. 1932. Hbd. 30. Sp. 1524.*

⁵³ *Schmal S. Op. cit. S. 70–71 (с указанием литературы).*

⁵⁴ К. Бюхнер как раз в связи с этой фразой указывает, что писатель не склонен точно указывать время между различными сценами (*Büchner K. Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum. Wiesbaden, 1953. S. 7*).

⁵⁵ *Schmal S. Op. cit. S. 70.*

⁵⁶ *Canter H.V. Op. cit. P. 294–296.*

⁵⁷ См.: *Syme R. Op. cit. P. 149.*

⁵⁸ *Canter H.V. Op. cit. P. 295.*

ния там гарнизона (66.2), а подавляют его римляне через два дня (69.3); Метелл овладевает Талой на сороковой день от начала похода (76.5); путь к Капсе состоял из двух этапов, по шесть и три дня каждый (91.1 и 3); на четвёртый день марша армии Мария у Цирты появляются вражеские разведчики (101.1); послы Бокха являются к римлянам на пятый день после очередного сражения (102.2); мавретанские послы провели в римском лагере около сорока дней (103.7); на пятый день пути Суллы к Бокху его встречает сын царя Волукс (105.3). В этих условиях умолчание не менее чем о полугодовом отрезке не может не обращать на себя внимания. Причина такого «спрессовывания» времени очевидна – необходимо сохранить динамизм действия.

Однако при всей стремительности, с какой разворачивается сюжет, и при всём том влиянии, какое оказал на Саллюстия Фукидид, римский автор не уподобляется великому предшественнику в том, что касается членения материала. Греческий историк, по словам Дионисия Галикарнасского, «описывая только одну войну, напряжённо и не переводя дыхания нагромождает битву на битву, сборы на сборы, речь на речь, и в конце концов доводит читателей до изнеможения» (ad Pomp. 772 Rob. Пер. О.В. Смыки). Он, как писал А.Ф. Лосев, «нагромождает одни отрезки времени на другие и тем самым вносил в изложение пестроту, свойственную Гомеру и Геродоту, но лишённую их художественного обаяния»⁵⁹. Вряд ли такого упрека заслуживает Саллюстий, достаточно часто прерывающий изложение экскурсами и небольшими зарисовками. Конечно, экскурсии встречались и у Фукидида, но с учётом общего объёма текста они довольно немногочисленны. Кроме того, они играют у него не всегда и не совсем ту же роль, что у Саллюстия. Греческий историк обычно вводит их либо с практической целью – описание Сицилии (VI.1–6) предваряет рассказ об экспедиции на неё, представляя читателю сцену грядущих событий, – либо из желания опровергнуть распространённые заблуждения, как в случае с историей убийства Гиппарха, сына Писистрата (VI.54–59), о котором у афинян было превратное представление, либо и вовсе с «антикварными» целями, как с рассказом о празднествах на Делосе (III.104). Все эти повествования сугубо деловые и насыщены конкретными фактами, тогда как римский автор в своих отступлениях, хотя и призванных также объяснить описываемые события, обычно предаётся теоретизированию⁶⁰ или ограничивается общими характеристиками. «Очевидно, что оправданность экскурсов [у Саллюстия] в разных случаях неодинакова, и обусловлены они несходными причинами», – считает К. Бюхнер, указывая, что нельзя ставить на одну ступень описание Африки и рассказ о самопожертвовании братьев Филенов⁶¹. Если исходить исключительно из

---

⁵⁹ Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб., 2001. С. 94.

⁶⁰ Правда, и у Фукидида есть «теоретический» экскурс – рассуждения о стасисе на Керкире (III.82–84).

⁶¹ Büchner K. Sallust. Heidelberg, 1960. S. 131.

их содержания, то это, конечно, так. Однако практически все они объединены тем, что с их помощью осуществляется смысловое членение текста⁶², не говоря уже о моралистической нагрузке. Так, обзор славного прошлого Рима («археология») отделяет характеристику Катилины от описания его деятельности (Cat. 5–13). Портрет Семпронии завершает рассказ о приготовлениях заговорщиков (гл. 25)⁶³. Знаменитое рассуждение о состоянии политики и нравов в послесулланском Риме (гл. 36–39) появляется в кульминационный момент – Катилина уезжает из Рима, чтобы открыто начать гражданскую войну. Сопоставление Цезаря и Катона (гл. 53–54) даётся накануне описания казни заговорщиков, которая означала крушение надежд Катилины на мятеж в Городе. Этногеографическое описание Нумидии в «Югуртинской войне» (гл. 17–19) знаменует окончание предыстории конфликта. Так называемый «экскурс о партиях» (гл. 41–42) следует после того как в противостоянии с Югуртой происходит перелом и война с назначением Метелла начинает вестись «понастоящему». Рассказ о Лепте, Сиртах и братьях Филенах завершает повествование об активных действиях Метелла и предваряет заключение союза Югурты и Бокха против римлян (гл. 78–79). Характеристика Суллы (гл. 95–96) означает переход к рассказу о заключительном этапе войны, главным героем которого и является будущий диктатор⁶⁴.

Помимо экскурсов, у Саллюстия наличествуют краткие зарисовки, ненадолго останавливающие действие: краткое, но выразительное описание Туллианума – подземелья в Мамертинской тюрьме, где совершались казни (Cat. 55.3–4), подробный рассказ о подъёме римских добровольцев на гору, где стояла мулукская цитадель (Iug. 94.2), впечатляющее изображение поля битвы под Циртой (101.11). Все эти эпизоды, несомненно, призваны подчеркнуть остроту момента и/или важность описываемых событий.

Festina lente – девиз императора Августа, чья карьера стала образцом политического успеха. Но, кажется, ещё не указывалось на то, что такой же точки зрения во многом придерживался и Саллюстий. Обратимся к примерам.

Первый заговор Катилины проваливается потому, что его глава слишком рано даёт сигнал сообщникам, которые ещё не успели собраться в нужном числе (Cat. 18.8). При подготовке нового заговора он «приказывает», «бодрствует», «спешит» (*festinare*) (27.2); узнав о

---

⁶² Vretska K. Op. cit. S. 23–25 (с обзором мнений). Насколько можно судить, признаётся роль экскурсов в членении материала, но не указывается, что это касается всех экскурсов.

⁶³ Ш. Шмаль явно не понимает смысла этого экскурса, называя данную тему «тупиковой» (Schmal S. Op. cit. S. 61), однако, дальнейшее развитие здесь и не требуется (см.: Короленков А.В. Из новейшей зарубежной литературы о *Bellum Iugurthinum* Саллюстия // *Studia historica*. 2006. Вып. VI. С. 281–282).

⁶⁴ В. Шур считает экскурсом и речь Мария (Schur W. Sallust... S. 105), что представляется не совсем корректным – едва ли не любая речь у античных авторов в известной степени является экскурсом.

заговоре, обыватели начали бестолково «торопиться, суетиться» (*festinare, trepidare*) (31.2); спешка и беспорядочные действия сторонников Катилины становятся причиной не столько опасности, сколько страха 42.1: *festinando, agitando omnia plus timoris quam periculi effecerant*); Цетег подгоняет медлительных, по его мнению, сообщников⁶⁵, видя залог успеха в быстроте (*maximum bonum in celeritate putabat*) (43.3–4).

Ту же картину мы наблюдаем и в «Югуртинской войне». Собственно, причиной всего становится торопливость Югурты, который не хочет следовать совету Сципиона Эмилиана добиваться расположения римского народа верным служением ему и желает поскорее добиться своего бесчестным путём. Торопится он (*maxime festinans*) и при осаде Цирты, чтобы взять её до приезда римских послов (Iug. 21.3) – напомним, что по взятии города он убивает ни в чём неповинного Адгербала, своего двоюродного брата (26.3). Спешит Спурий Альбин – первый раз перед началом кампании (36.3: *tanta properantia*), второй раз – когда уже его брат Авл, потерпев поражение, заключает позорный с точки зрения римлян мир с Югуртой (39.2: *omnibus modis festinare*), но при этом Саллюстий пишет, что боевые действия консул вёл вяло (*socordia*), чем вызывал подозрения в сговоре с царём (36.3). Во второй же раз его торопливость объясняется желанием избежать наказания за поражение Авла – его легата (39.2), а потому честность намерений Спурия в глазах автора более чем сомнительна. Югурта спешит лишить Бокха надежды на мир (*festinabat, Bocchi pacem imminuere*), чтобы втянуть в войну с римлянами (81.1).

Как видим, в указанных случаях спешка связана со стремлением скорее совершить злодеяние или с неуверенностью в себе. В то же время можно наблюдать, что умение не торопиться присуще героям, когда они совершают поступки во благо Рима: Метелл, увидев, что сражения не приносят победы в войне (Iug. 54.5), переходит к методичному наступлению на врага, разоряя его территорию и склоняя к измене сподвижников Югурты; Марий, придя к аналогичному выводу, приступает к планомерному захвату нумидийских городов (88.4). Когда римляне подозревают мавретанского царевича Волукса в сговоре с Югуртой и предлагают Сулле расправиться с ним, последний, хотя думает так же, проявляет выдержку и оказывается прав – Волукс не выдаёт их нумидийскому царю (гл. 106–107), тогда как в случае убийства царевича переговоры с Бокхом оказались бы сорваны, а война продлилась бы ещё неопределённое время.

Однако далеко не всегда упоминания о спешных действиях даны в негативном контексте. В «Заговоре Катилины» говорится о том, что римляне в условиях непрерывных войн «спешили, готовились» (6.5: *festinare, parare*). В «Югуртинской войне» подобные действия также связаны с боевыми операциями (Метелл: 55.3; 68.1; 73.1; Рутилий

---

⁶⁵ Судя по всему, вполне справедливо (см.: *Waters K.H. Cicero, Sallust and Catiline // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 2. P. 203*).

при Мутуле: 52.5; римляне при взятии Ваги: 69.2; жители Талы: 76.4). Это вполне естественно, поскольку на войне быстрота решает подчас всё, и тональность таких указаний нейтральна. Сулла советует Бокху поспешить (*festina*) с обретением дружбы Рима (102.9).

Особо следует отметить известный эпизод, когда Метелл иронически советует Марию не торопиться с консульством (64.4: *ne festinares*). Однако эта ирония обращается против самого Метелла, ибо он руководствуется в своих «дружеских» советах сословной спесью.

Таким образом, спешка и слово *festinare*, чаще всего обозначающее поспешность, не всегда подразумевают нечто предосудительное, ибо быстрота действий подчас необходима⁶⁶. Неудивительно, что почти всегда нейтральные упоминания таковых связаны с военной тематикой, где царствуют чрезвычайные обстоятельства. В подавляющем же большинстве иных случаев Саллюстий неодобрительно отзывается о торопливости⁶⁷, осуждение которой подчас приобретает у него морализаторский оттенок. Другого было бы трудно ожидать от «отставного» политика, наслаждавшегося своим неприятием светской суеты и разделявшего усталость общества от «больших скачков».

Время зла. В заключение нельзя не обратить внимания на такой, в общем-то, заурядный, но от этого не менее примечательный факт: ночь у Саллюстия предназначена для злых дел. Под её покровом собираются заговорщики в доме Порция Леки (Cat. 27.3); ночью собираются убить Цицерона (28.1), ночью уезжает из Рима Катилина (32.1); ночью должны действовать по плану Лентула Суры его сообщники (43.1). В это же время суток действует Югурта: убивает Гиемпсала (Iug. 12.4); нападает на лагерь Адгербала (21.2), а затем и Авла Постумия Альбина (38.4). Наступление темноты спасает нумидийцев от разгрома при Мутуле (53.3). Любопытно, что и решение о выдаче им Югурты Бокх принимает также ночью (113.3). Это, как может показаться, противоречит предыдущему, поскольку поступок царя – на пользу римлянам. Однако для Саллюстия, как и для стоиков, важен не столько результат действия, сколько то, в каком состоянии духа оно совершено⁶⁸. Бокх же постоянно колеблется, решая, кого выгоднее выдать – Югурту Сулле или наоборот. Естественно, такое поведение вызывает суровое осуждение писателя (113.1–3).

---

⁶⁶ Любопытно, что у Тацита (Ann. VI.32.1) говорится о поспешности в глазах «варваров» (парфян) как царственной черте, а медлительности – как о рабской (*barbaris cunctatio servilis, statim exequi regium videtur*), но чуть ниже указывается, что «варвар» Тиридат достиг бы успеха, если бы действовал быстро (VI.43.1): *si statim interiora ceterasque nationes petivisset etc.*

⁶⁷ Отметим, что у Ливия зачастую торопливость является причиной несчастий для римлян (VI.22.6–25.4; XXI.54.6 и 8; XXII.3.8–10; 12.12; XXVII.33.10 etc.), тогда как промедление вредит преимущественно их врагам (XXII.50.1; 51.1–4; XXIII.18.13; XXVI.7.3; XXVIII.7.1; XXXVIII.25.13 – с явной иронией, поскольку, сочтя промедление опасным (*plus in mora periculi*), галлы обращаются в бегство).

⁶⁸ Короленьков А.В. Образ Мария у Саллюстия... С. 110.

При этом указывается, что Марий, чьи войска находились на марше ночью, нападают на Капсу уже с наступлением дня (91.4: *ubi dies coepit*). Под Циртой всю ночь враги бодрствуют, празднуя успех, а римляне, дождавшись, когда те заснули, на рассвете (*ubi lux adventabat*) наносят удар (99.1)⁶⁹.

Выводы. Как показывает изложенное выше, время играет очень значительную роль в сочинениях Саллюстия, и далеко не только в хронологическом отношении. Писатель остро ощущает его ход, наблюдая воочию изменения, которые он несёт, не ограничиваясь при этом констатацией одного лишь падения нравов и признавая во многом положительный характер развития. Понимая, что корни настоящего находятся в прошлом, а последствия нынешних поступков дают о себе знать в будущем, он нередко выходит за рамки повествования, чтобы показать и то, и другое. Для иллюстрации или доказательства своих идей писатель готов пренебречь строгой хронологией или даже «подправить» её – приём, обычный для литератора, которым Саллюстий был в большей степени, чем историком. А его приверженность принципу *festina lente* демонстрирует, что не в меньшей степени был он и философом – пусть и не подкрепившим свои взгляды собственной биографией.

A.V. Korolenkov

TIME, PAST AND PRESENT IN SALLUST

The paper deals with Sallust's perception of historical time. Sallust recognizes that ancestors' times were better than current period, but, nevertheless, doesn't deny progressive trends in development from past to present and notes many eventual changes to the best in course of history. Evolution of human characters, according to Sallust, does not go only to the worst too (contrary to opinion of some specialists on Sallust's concepts). The author agrees with K. Heldmann who thinks that "Golden Age" for Sallust belongs not to mythical but to historical times, and the very aurea aetas as Yu. G. Chernyshov notes, is absent in Sallust's texts. Sallust recognizes importance of historical memory, and (as J. Grethlain has shown), thinks that loss of this memory conducts to bad consequences for Rome. But, however, Sallust himself prefers not to tell about glories of the past but to to convict defects of the present. Developing D. S. Leven's views, the author shows that Sallust's narration refers both to the past, and to the future.

---

⁶⁹ Налицо параллель с Александром, который отказался нападать на персов при Гавгамелах ночью (*Curt. IV.13.8–10; Plut. Alex. 31.11–13; Arr. Anab. Alex. III.10*), а когда началось сражение, они, если верить Арриану, были уже изнурены ночным бдением (*Arr. Anab. Alex. III.11.2*). Э. Кёстерман усматривает здесь также сходство с описанием разгрома войсками Югурты армии Адгербала, чьи полусонные солдаты в предрассветных сумерках (*Iug. 21.2: obscuro etiam tum lumine*) не могут оказать должного сопротивления (*Koestermann E. Op. cit. S. 351*). Однако для нашего случая важно не ситуативное совпадение, а выбор слов, слово же *obscurum* ясно (и, думается, отнюдь не случайно) даёт понять, что тьма ещё не рассеялась.

Sallust's thinks it necessary to keep principle "*festina lente*" in civil affairs but to be quick at war. By the way, he imperceptibly, but systematically (sometimes going even on some distortion of reality) lets know that night is «time of harm» whereas good deeds are made by the light of day.